

«Мейерхольд. Чужой театр»: смерть в искусстве

Валерий Фокин поставил в Александринском театре страшный спектакль об уничтожении Театра Мейерхольда. Но в финале напомнил зрителю о любви, которая превышает смерти

Александринка отметила 150-летие великого реформатора театра Всеволода Мейерхольда премьерой постановки своего художника Валерия Фокина «Мейерхольд. Чужой театр». Что символично – на Новой сцене, которая после закрытия московского Центра Мейерхольда носит его имя. Выбор локации для спектакля тоже в некотором смысле символичен – на протяжении 10 лет (1907–1917 гг.) режиссер-новатор поставил в Александринке порядка 20 спектаклей, в том числе легендарный «Маскарад».

В основе спектакля Фокина – стенограмма общего собрания коллектива Государственного театра им. Вс. Мейерхольда (ГосТИМ) в декабре 1937 г. На повестке – публикация в газете «Правда» обвинительной статьи Платона Керженцева «Чужой театр». Именно после этого собрания ГосТИМ закрыли, а через некоторое время Мейерхольда арестовали. В феврале 1940 г. он был расстрелян.

Наталья Витвицкая

критик

Собрание ГосТИМа, о котором в основном знают только театроведы, в спектакле Фокина обрело исторический объем и душераздирающий смысл. Ожила картина последовательного морального уничтожения гения. Сначала участники собрания зачитывают вслух статью Керженцева, в которой автор делает вывод, что советской стране театр Мейерхольда не нужен. Затем каждый произносит обвинительные речи. И это остервенелая ненависть к учителю, которому вчера еще пели осанну, зависть, злоба, личные сче-ты. В ход идут обвинения в сочувствии к «предателю-меньшевику» Троцкому, в «нелюбви к людям». Обсуждают собравшиеся и то, что театр стоит переименовать из «революционного» Театра имени Мей-

ерхольда в «антинародный» театр имени «Дамы с камелиями». Этот спектакль Мейерхольда был далек от идейно-политических тенденций того времени и особенно не давал покоя критикам режиссера.

Каждая обличительная речь – актерский бенефис. Фокин дает своей труппе показать, на что она способна. Александр Лушин, Ефим Роднев, Анастасия Пантелеева, Светлана Смирнова, Анна Пожидаева, Владимир Маликов, Степан Балакшин – каждый актер здесь живой человек, а не безликая тень гения. Со своими слабостями, понятной завистью и липким страхом за собственную карьеру. Они манипулируют, лгут, жонглируют подтекстами, преувеличивают и преуменьшают. Каждый готов отречься от учителя, забыть о своем участии в легендарных постановках, навсегда изменивших историю русского (и не только русского) театра. Как говорит одна из участниц травли, «хорошие артисты и без режиссера справятся».

После получасового мракобесия на собрании выступает сам Мейерхольд. Эта роль отдана Владимиру Кошевому, актеру, не так давно сыгравшему Сталина в спектакле «Рождение Сталина» в той же Александринке (также Кошевой много снимается в кино, из недавних работ – сериалы «Тест на беремен-

ность», «Елизавета»). Бросается в глаза портретное сходство артиста с Мейерхольдом. Кошевой изображает Мастера вдохновенно, почти поэтично. Его Мейерхольд слушает все, в чем его обвиняют, молча, не шевелясь, плечом к плечу с супругой Зинаидой Райх (актриса Александринского театра Олеся Соколова, занята в спектаклях «Процесс», «Один восемь один», «Сирано де Бержерак»). Выйдя к своим обвинителям, он не смотрит на них, а вглядывается в колосники и говорит монотонно, нараспев. Не оправдываясь, не пытаясь спастись.

ВЛАДИМИР ПОСТНОВ / АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР

Зная, чем все закончится, вглядываться в лицо великого режиссера, озаренное верой в своих будущих убийц, очень страшно

Интересно, что Фокин явно не ставил перед собой цели поставить всего лишь крепкий документально-просветительский опус о своем кумире. В спектакль то и дело

«стучится» мистика – стенограмму собрания прерывают сцены из знаменитого мейерхольдовского «Ревизора», обвиненного в мистицизме, а также «Дамы с камелиями», признанной формалистской. Эти сцены самые эффектные в спектакле. В них Мейерхольд оживает, буквально парит между артистами, объясняет, как надо и как не надо играть. Он счастлив, озарен и свободен. На сцене, изначально затянутой в серое солдатское сукно, вдруг из «ниоткуда» появляются цвет, звук и образ.

Ближе к финалу выстраивают многофигурные композиции участники физкультурного парада и дружно маршируют adeпты провозглашенного Мейерхольдом «Театрального Октября» (программа реформирования театрального дела в послереволюционной России. – «Ведомости»). Эпоха 20-х гг. XX в., плоть от плоти которой был Мейерхольд, становится видимой, и сам он, в кожанке и с мегафоном в руках, бросается лозунгами в зачарованную его выступлением толпу. Зная, чем все закончится, вглядываться в лицо великого режиссера, озаренное верой в своих будущих убийц, очень страшно.

Когда серия флешбэков и театральных видений исчезает, сцена снова становится блекло-серой, как в тюремных застенках. Мейерхольд остается один. Участники собрания стоят в глубине сцены к нему спиной. Сдвигаются черные занавеси-ширмы, на них запускается слайд-шоу из самых знаменитых фотографий – режиссер в юности, мхатовского периода, в ролях и образе, наконец, из бутырской тюрьмы. Это первый из двух финалов спектакля. Будет еще один, но рассказывать его – кощунство. Он о любви, которая превышает самой счастливой судьбы в искусстве. И априори превышает смерти. –